

Ворошилова М.Б.
Екатеринбург, Россия

**КРИЗИС СКВОЗЬ СМЕХ:
МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ
МИРОВОГО КРИЗИСА
В РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ**

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. В ситуации современного мирового кризиса в политическом дискурсе особое значение приобретает неформальная коммуникация, одним из самых эффективных орудий становится политическая карикатура, которая позволяет открыто и довольно точно выразить общественное, часто критическое мнение. В рамках настоящей статьи мы представляем результаты исследования метафорического образа мирового кризиса в современной русской политической карикатуре.

Ключевые слова: политическая коммуникация, неформальная политическая коммуникация, политическая карикатура, кризис, политическая метафора.

Сведения об авторе: Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, к. 285.

E-mail: shinkari@mail.ru.

Voroshilova M.B.
Ekaterinburg, Russia

**CRISIS THROUGH LAUGHTER:
METAPHORICAL IMAGE
OF THE WORLD CRISIS
IN RUSSIAN POLITICAL CARICATURE**

ГЧТИ 16.21.27, 16.21.33

Код ВАК 10.02.01

Abstract. In terms of the world crisis the important role in political discourse is given to informal communication, one of the most effective tools of which is political caricature, it allows openly and clearly express opinion of the public, which is often critical. In this article we present the results of analysis of the metaphorical image of the world crisis in contemporary Russian caricature.

Key words: political communication, informal political communication, political caricature, crisis, political metaphor.

About the author: Voroshilova Maria Borisovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Address: 620017, Ekaterinburg, pr. Kosmonavtov 26, k. 285.

Неформальная политическая коммуникация. В современном политическом дискурсе особое место занимает неформальная коммуникация, что отчасти обусловлено как резким падением доверия к официальным средствам массовой информации, так и спецификой неформальных каналов коммуникации, которые нацелены не столько на передачу информации в политической сфере, сколько на выражение отношения к ней. Придавая представлениям о политике эмоциональную окраску, они упрощают восприятие информации, делая ее доступной для всех социальных групп. Неформальная политическая коммуникация и такие ее формы, как слухи, анекдоты, пародии, граффити и карикатуры, несомненно, играют заметную роль в процессе восприятия и понимания происходящего в политике, они позволяют ориентироваться в многообразии политических процессов и явлений, формировать отношение к ним, влияют на поведение людей в политике.

Одним из основных «орудий» неформальной политической коммуникации является смех, точнее сказать (используя современную терминологию) политический юмор. Именно смех в русской национальной традиции является лучшим «лекарством, единственно верным оружием со всемирным злом», в том числе и с мировым кризисом. Неслучайно, говоря о значимости юмора политическом дискурсе, А.В. Дмитриев называл его «пятой ветвью власти» [Дмитриев 1996: 4].

Юмор, и в том числе политический юмор, позволяет в яркой, сконцентрированной, «сжатой как пружина» форме вскрыть противоречия, двойные стандарты столь распространенные в политике, нередко наглядно демонстрируя абсурдность ситуации. Еще Джордж Оруэлл в свое время писал: «каждая шутка – это крошечная революция». Шутка дает возможность открыто выразить общественную, как правило, критическую оценку того или иного явления и, прежде всего, действия властей. Таким образом, политический юмор, в первую очередь, дает нам свободу самовыражения, дает силы сказать то, что мы зачастую боимся сказать прямо. Он «очищает общество и защищает часть населения от авторитарных поползновений властей» [там же].

Но все же главная цель политического юмора заключается не столько в обличении, в раскрытии тайн, сколько в попытке «пережить», «переварить», «победить» ту или иную сложную, кризисную ситуацию, подняться над проблемой. Эту компенсирующую функцию юмора в рамках политической коммуникации точно подметил еще М.М. Бахтин в своем исследовании смеховой культуры Средневековья. Итак, недовольство политической обстановкой, выраженное в юмористической форме, в первую очередь, позволяет снять напряжение и почувствовать свое превосходство над ситуацией или политиками [см. в частности Разуваев 2002].

Поэтому в кризисные, и особенно посткризисные, периоды развития общества особую актуальность приобретает именно неформальная политическая коммуникация, что и определило повышенный интерес к ней современных исследователей и специалистов из различных областей науки, в том числе и лингвистов-когнитологов.

Каждый новый поворот в историческом развитии общества, по мнению представителей когнитивной лингвистики, приводит к определенной языковой «перестройке», создает свой особый набор лексического, когнитивного инструментария, включающего концептуальные метафоры, в том числе прецедентные образы и символы. Смена концептуальной парадигмы обычно совпадает с неким кризисом, переворотом в обществе и культуре. Концептуальные метафоры не просто отражают существующее общественное сознание, они предлагают некий выход из сложных ситуаций, настраивают на определенный тип поведения (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, О.П. Ермакова, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, Н.А. Кузьмина, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Т.Г. Скребцова, А.П. Чудинов и др.).

Политическая карикатура. Карикатура как жанр искусства появилась довольно давно – по некоторым свидетельствам, первым создателем карикатур был Леонардо да Винчи. Название «карикатура» происходит от итальянского слова *caricare*, которое означает «нагружать», «преувеличивать». Понятие карикатуры современными исследователями определяется двояко. Во-первых, это сатирическое или юмористическое изображение, в котором комический эффект достигается с помощью неожиданных сопоставлений или уподоблений, а также путем преувеличения и заострения каких-нибудь черт. Во-вторых, карикатура – это жанр изобразительного искусства, являющийся основной формой изобразительной сатиры, часто обладающий тенденциозной социально-критической направленностью, подвергающий осмеянию какие-либо социальные, общественно-политические, бытовые явления, реальных лиц или характерные типы людей, произведение или отдельный художественный образ, в котором в юмористической или сатирической форме передаются характерные признаки.

Карикатура формировалась в основном в рамках сатиры, поэтому основные пики ее развития исторически совпадали с периодами самых напряженных социальных преобразований и острой идейной борьбы. В России пик развития жанра карикатуры приходится на XX век, при советской власти она использовалась не только в борьбе с классовыми противниками, но и для критики целого ряда явлений в собственных рядах. Ею активно пользовался Демьян Бедный, а Владимир Маяковский с ее помощью издевался над мировой и отечественной бур-

жуазией в «Мистерии-Буфф» и «150 000 000». И в настоящее время карикатура остается одним из самых действенных орудий в политической борьбе.

Глобальные социальные изменения, происходящие в России в начале XXI века в условиях мирового кризиса привели к коренному преобразованию социальных и культурных отношений и системы ценностей, и, как мы уже отметили выше, своеобразным откликом на произошедшие преобразования стало актуализация неформальной политической коммуникации и особенно ее визуальных средств. Особое место в современном политическом дискурсе справедливо заняла карикатура. Ее роль и значение определяются в первую очередь наглядностью передаваемой информации, используя концептуальные образы, автор может очень точно передать суть какого-либо социального явления, отношение свое и общества к изображенным персонажам, проблемам. «Визуальные средства в отличие от вербальных или интеллектуальных (слово, понятие, теории) позволяют человеку практически мгновенно воспринимать запрограммированное воздействие (хотя сработать оно может значительно позднее), причем это воздействие является и более глубоким, поскольку визуальные системы влияют не только на интеллект, но и на эмоционально-чувственный базис человека» [Розин 2006: 26].

Но мы должны отметить: если такие традиционные формы неформальной коммуникации, как слухи и анекдоты, действительно, в последние годы все чаще привлекают внимание исследователей, то семантически осложненные тексты политической коммуникации, в том числе карикатуры, еще ждут своего детального анализа, что обусловлено отсутствием разработанного и утвердившегося инструментария исследований текстов подобного рода.

Переход к новой научной парадигме в лингвистике на рубеже XX-XXI веков, постановка новых вопросов, «экспансионизм» (Е.С. Кубрякова) современной науки, несомненно, обусловили расширение круга изучаемых явлений, тем или иным способом связанных с передачей и восприятием информации в современном мире. Теперь на первый план были выдвинуты задачи всестороннего исследования языка во всем многообразии его связей, в том числе с другими семиотическими системами. За последние годы в рамках современной лингвистики интерес к невербальным средствам коммуникации, так называемой «визуальной информации», значительно возрос, что отмечается в большинстве исследований, посвященных не традиционной лингвистике текста, а лингвистике семиотически осложненного, «нетрадиционного», видеовербального, составного, поликодового, креолизованного текста (Е.Е. Анисимова, В.М. Березин, Л.С. Большакина, Н.С. Валгина, Л.В. Головина, Е.В. Горина, А.Ю. Зенкова, О.Л. Каменская,

В.М. Клюканов, Э.А. Лазарева, Н.В. Месхишвили, О.В. Пойманова, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, L. Bardin, B. Karlavaris, S.D. Sauerbier и др.). Но в настоящий момент до сих пор не сложилась комплексная методика анализа креолизованного текста. Как правило, современные исследователи, занимающиеся изучением креолизованного текста, ограничиваются изучением соотношения вербальной и иконической, визуальной знаковых систем, то есть описанием невербальных, графических средства, сопровождающих письменную речь [подр. см. Ворошилова 2006, 2007, 2007а, 2008].

Мировой кризис – это. В рамках настоящей статьи мы представляем результаты исследования метафорического образа мирового кризиса в современной русской политической карикатуре. Методом сплошной выборки нами были отобраны 100 русских политических карикатур о мировом кризисе, представленные в Интернет. Основные «герои» данных текстов, иначе говоря, сферы-мишени метафорической экспансии – это:

- кризис (главное действующее лицо),
- ипотека и чиновник (как основные «провокаторы» данного кризиса),
- экономика, деньги, банк, народ, как правило, рабочий (в роли пострадавших).

Мировой кризис – это главное действующее лицо во всех анализируемых текстах, именно его метафорический образ мы представим в настоящей статье.

Наиболее частотной (32%) ментальной сферой метафорического представления кризиса в современной русской политической карикатуре является артефактный образ катастрофы: кризис изображается авторами как авиакатастрофа, крушение корабля, падение воздушного шара и т.д. Таким образом, в значении образа мирового кризиса актуализируется семантика «трагических последствий» [Ожегов 1997: 269], которая в официальных российских СМИ активно скрывалась, затиралась, нас убеждали, что кризис – это лишь очередной виток развития, что для нас кризис не страшен, мы к нему готовы. Но когда падает самолет, погибают люди, быть к этому готовым нельзя. Обращение авторов к образам катастроф актуализирует и неизбежность данных трагических последствий, остановить падение самолета невозможно, также как невозможно остановить развитие кризиса.

Данный информационный конфликт был представлен в карикатуре «Дед Мазай и зайцы» (рис. 1.). Автор использует метафорическую модель КРИЗИС – ЭТО ЦУНАМИ, цунами, смывающее и уничтожающее все на своем пути, его первая волна, как правило, всего лишь предупреждение, и в тот момент, когда нам говорят, «самое страшное позади», появляется самая разрушительная вторая волна, на сей раз дед Мазай не спасет зайцев.

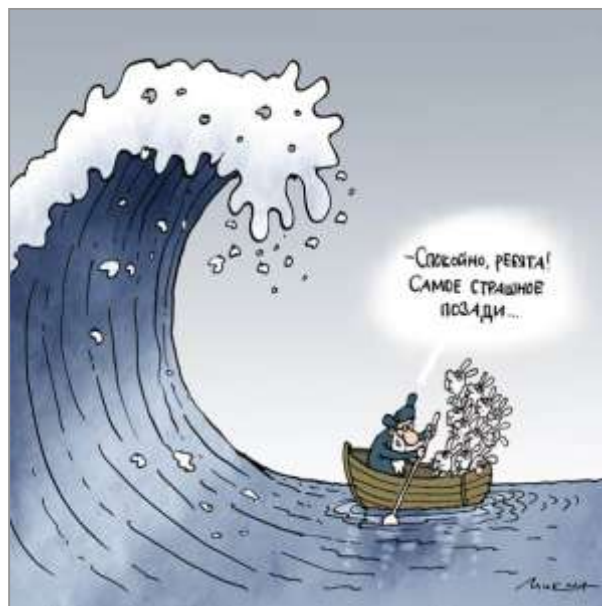

Рис. 1

Таким образом, в анализируемых креолизованных текстах политической карикатуры, где эмоциональная составляющая часто является ведущей, именно семантический компонент трагических и неизбежных последствий задает общий тон. Лишь в одном примере, автор актуализировал семантику аварии, «повреждения, выход из строя... во время движения» [Ожегов 1997: 16], представил мировой кризис как сбой в работе некоего механизма самолета, образ, нередко используемый в российских СМИ, описывающих современный мировой кризис как некий сбой в экономической системе, необходимо лишь заменить или отремонтировать вышедший из строя механизм, и вопрос будет решен.

Однако, такая трактовка образа мирового кризиса в анализируемом дискурсе единична, чаще авторы акцентируют именно страшные результаты кризиса, которые еще ждут нас впереди. Так например, близким по своему прагматическому потенциалу к описанной выше метафорической модели, на наш взгляд, является используемый авторами метафорический образ кризиса-монстра, чудовища, безжалостного и равнодушного к человеку, уничтожающего все на своем пути. В данной метафорической модели, обладающей ярко выраженными агрессивно-прагматическим потенциалом, на первый план выходит, уже отмеченный нами ранее, семантический компонент неизбежности: бороться с кризисом бесполезно, все предпринимаемые меры безрезультатны. Так в одном из текстов в невербальном компоненте представлен скучающий дракон, головы которого ведут следующий диалог: «А что это были за богатые, которых мы только сожрали?» – «Да, какие-то антикризисные меры...». В другом примере автор обращается к прецедентному тексту И. Крылова «Слон и моська», только моська на

сей раз серьезно вооружена, а кризис-слон «себе идет» и давит моську. Таким образом, авторы русской политической карикатуры представляют кризис не просто неким очередным эволюционным витком в экономике, а как страшный, разрушительный процесс, который уже набрал свою силу и остановить его невозможно, также как невозможно избежать те трагические последствия, которые он несет.

Отметим также, что все описанные выше визуальные образы нередко объединены семантикой падения, данная ментальная сфера не только традиционна для экономического дискурса (см. напр., Колотнина 2001), но и несомненно актуальна в современной экономической ситуации, что подтверждается обращением авторов в анализируемых текстах и к таким метафорическим моделям, как КРИЗИС – ЭТО ДВИЖЕНИЕ ПО СКЛОНУ, КРИЗИС – ЭТО ОБВАЛ. Но, обращаясь к стертым экономическим метафорам, авторы «оживляют» их, используя классический прием оппозитивной корреляции, когда содержание, переданное невербальными средствами, вступает в противоречие с вербальной информацией, на основе этого часто возникает комический эффект, столь актуальный в тексте карикатуры. Так например, описанный выше информационный конфликт, вновь становится в центре внимания авторов следующей карикатуры (рис 2.). Вербальный компонент несет яркую позитивную оценку происходящего, представляемую официальными российскими СМИ, но обращаясь к невербальному компоненту, мы понимаем, что остановить это «радостное» движение вниз уже невозможно, нас ждет не только столкновение, но и неизбежно падение с обрыва.

Рис 2.

Отметим, что в данной карикатуре автор поднимает вопрос о причинах столь стремительно развития кризиса, и основной называет человеческий фактор: главной причиной кризи-

са – является сам человек, а не некие таинственные экономические механизмы; ведь выбрав иное поведение, можно было избежать падения.

Данный семантический компонент наиболее ярко представлен в карикатурах, обыгрывающих метафорическую модель КРИЗИС – ЭТО ПАДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. Наиболее частотными в анализируемых текстах являются образы несчастного случая, когда человек подсаживается на кожуру банана, в луже грязи и т.д. – падает. В данных текстах причиной кризиса является неряшливость человека, бросившего эту кожуру, разлившего лужу, и невнимательность, недалекость идущего.

Второй по степени частотности (17%) в анализируемых текстах является метафорическая модель КРИЗИС – ЭТО КАЧЕЛИ, ключевой семантический компонент которой – нестабильность, за кажущимся улучшением – вновь падение. Но преимущество данной модели в том, что она позволяет не только представить кризис, но и объяснить его причину. Экономические качели раскачивают банки, мировые валюты (доллар и веро), чиновники, вновь утверждающие, что «у нас все под контролем». Помимо этого данный метафорический образ актуализировал и семантику взаимозависимости, нельзя выйти из кризиса решив лишь одну проблему, стабилизировав положение в одной из отраслей, в одной из стран. Так в представленной ниже карикатуре автор поднимает вопрос о зависимости экономики России от мировой экономической ситуации (рис. 3): только общая стабилизация позволит выйти из кризиса.

Рис. 3

Семантика трагичности, уже указанные нами в начале статьи, вновь актуализируется в морбиальных метафорических образах, тяжелой болезни и смерти, занимающих по степени частотности третье место (12%). Данные метафорические образы, как отмечают современ-

ные исследователи, традиционны для экономического дискурса и как правило активизируются именно в кризисные периоды [Колотнина 2001: 67]. Поэтому в качестве основного конфликта авторы вновь обращаются к проблеме информационного диссонанса (рис. 4): вербальный компонент гласит, что «в Америке все хорошо», только кризис-смерть стоит уже за спиной.

Рис. 4.

Морбиальная метафора тяжелого больного вновь актуализирует семантику нестабильности, за кажущимся улучшением может скрываться очередная и более страшный кризис. В одном из примеров семантический компонент нестабильности актуализируется в вербальном компоненте, за счет использования прецедентного высказывания, не раз обсуждаемого в СМИ: «Доктор Кудрин, мне уже лучше» – «Не-не-не, это временная коррекция».

Итак, в ситуации современного мирового кризиса в политическом дискурсе особое значение приобретает неформальная коммуникация, одним из самых эффективных орудий становится политическая карикатура, которая позволяет открыто и довольно точно выразить

общественное мнение, которое, как мы увидели, часто не соответствует мнению, формируемому в официальных СМИ.

Метафорический образ мирового кризиса в современной русской политической карикатуре основан на трех ключевых метафорических моделях: кризис – это падение (в том числе, катастрофа), кризис – это качели, кризис – тяжелая болезнь, смерть. В качестве определяющих семантических компонентов образа кризиса можно отметить следующие: нестабильность, неизбежность и трагичность последствий.

ЛИТЕРАТУРА

Щенникова О.Н. Неформальная коммуникация в политике. URL: <http://izvestia.asu.ru/2008/4-1/poli/TheNewsOfASU-2008-4-1-poli-08.pdf>.

Разуваев В.В. Политический смех в современной России. – М.: ГУ-ВШЭ, 2002.

Мищенко И.Е. Юмор в политике (функции и технологии): магистерская диссертация. – М., 2005.

Дмитриев А.В. Социология юмора: Очерки. – М., 1996.

Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика: сб. научн. тр. [Урал. гос. пед. ун-т] – Екатеринбург, 2006. Вып. 20. С. 180-190.

Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика: сб. научн. тр. [Урал. гос. пед. ун-т] – Екатеринбург, 2007. Вып. (1)21. С. 75-80.

Ворошилова М.Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика: сб. научн. тр. [Урал. гос. пед. ун-т] – Екатеринбург, 2007а. Вып. (3)23. С. 73-78.

Ворошилова М.Б. Политическая карикатура как креолизованный текст // Русский язык: человек, культура, коммуникация: сб. научн. тр. – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2008. С. 256-263.

Розин В.М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и воспринимает мир. – М., 2006.

Колотнина Е.В. Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе (спец. 10.02.20. – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание): Дис... канд. филол. наук – Екатеринбург, 2001.

© Ворошилова М.Б., 2010